

А. Г. Самохвалова

Социальные страхи как фактор затрудненного общения городских и сельских подростков

Исследование проводится при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 16–06–00443а)

В статье поднимается проблема затрудненного общения на этапе подросткового онтогенеза. В качестве фактора риска, детерминирующего возникновение у субъекта в ситуациях общения вариативных коммуникативных трудностей (базовых, содержательных, инструментальных, рефлексивных), рассматриваются социальные страхи подростков. Обобщены результаты эмпирического исследования социальных страхов и специфики их проявления в межличностном общении современных подростков со взрослыми и сверстниками. Выявлены различия социальных страхов и связанных с ними коммуникативных трудностей подростков, проживающих в городе (n = 70) и в сельской местности (n = 70). Показано, что городские подростки чаще испытывают гелотофобию, страх буллинга, «провала», непонимания, одиночества; подростки, проживающие в сельской местности, – страх осуждения, наказания, публичного выступления, общения с незнакомыми людьми и с людьми высокого социального статуса. На основе данных феноменологического интервью выявлены специфические коммуникативные трудности подростков, испытывающих различные социальные страхи. Делается вывод о необходимости организации адресной психолого-педагогической помощи подросткам, направленной на преодоление актуальных социальных страхов и коммуникативных трудностей.

Ключевые слова: подросток, затрудненное общение, коммуникативные трудности, фактор риска, социальный страх, тревожность, гелотофобия, буллинг.

A. G. Samokhvalova

Social Fears as a Factor of Disturbed Communication of Adolescents Living in Urban and Rural Areas

The article raises the problem of difficulty of communication at the adolescence stage of ontogeny. Teenagers' social fears are regarded as risk factors determining the occurrence of situations of communication variative difficulties (basic, content, tools, reflective). The results of the empirical study of social fears and their specific manifestations in the interpersonal communication of modern teenagers with adults and peers are generalised. Here are revealed differences of social fears and related communication difficulties of adolescents living in the city (n = 70) and rural areas (n = 70). It has been shown that urban adolescents more likely to experience Gelotophobia, the fear of bullying, «failure», misunderstanding, loneliness; teens, who live in rural areas, condemning the fear of punishment, public speaking, communication with strangers and with people of a high social status. Based on the data of phenomenological interviews specific communication difficulties of adolescents, experiencing various social fears are revealed. The conclusion is drawn about the necessity of targeted psychological and educational assistance to adolescents, aimed at overcoming the current social fears and communication difficulties.

Keywords: an adolescent, disturbed communication, communication difficulties, risk factors, social fear, anxiety, Gelotophobia, bullying.

В последние годы в научном дискурсе широко обсуждается проблема затрудненного общения современных детей и подростков, которая связывается с недостатком коммуникативных знаний и умений (компетентностный подход), с трудностями понимания и конструирования высказывания (лингвистический подход), с нарушением системных связей ребенка с социальным окружением (интеракционистский подход), с деструктивными чувствами ребенка, возникающими в ситуации общения (феноменологический подход) и др. Нам видится чрезвычайно актуальным и своевременным рассмотрение проблемы затрудненного общения ребенка с позиций *соци-*

окультурного подхода, раскрывающего влияние динамических процессов, происходящих в современном обществе, условий проживания, культурных традиций, ближайшего социального окружения на характер общения подростков, специфику их межличностного взаимодействия в коммуникативных ситуациях.

Социокультурные условия онтогенеза современного подростка потенциально содержат различные *факторы риска* («Risikofaktor»), которые провоцируют вариативные затруднения в общении, повышают риск дезадаптации ребенка в социальной среде, несут потенциальную угрозу для развития общения (M. Holtmann, K. Becker,

В. Kentner-Figura, М. Н. Schmidt, Н. Scheithauer, F. Petermann, G. Jugert, Д. И. Фельдштейн, А. А. Реан, Л. Ф. Обухова, А. М. Прихожан, С. Н. Ениколопов, И. А. Баева и др.). К *факторам риска* в зарубежной и отечественной психологии относят *средовые* (факторы *окружения*, например, плохие социальные условия жизни, дефицит общения, и факторы *отношений*, например, деструктивный стиль семейного воспитания, жестокое обращение сверстников с ребенком и др.) и *индивидуальные* факторы риска («факторы уязвимости»), связанные с психофизиологическими и социальными характеристиками ребенка, например, общая слабость, негативный образ Я, сильное стремление к острым ощущениям и др. Действие факторов риска в процессе онтогенеза зависит от *факторов защиты*, снижающих риск, смягчающих влияние стрессовых событий на социальное поведение ребенка [12]. Следовательно, факторы риска и факторы защиты находятся в тесной взаимозависимости с *устойчивостью и уязвимостью* личности в социокультурном контексте. Именно *уязвимость* по отношению к рискам оказывает вредную нагрузку на развитие ребенка, вызывая личностные трудности и различные проблемы общения [13].

Как показали наши исследования феноменологии детского затрудненного общения [7, 8], в коммуникативных ситуациях ребенок становится особо уязвимым, когда испытывает различные *социальные страхи* – страх самовыражения, страх выглядеть смешным, страх осуждения, страх непонимания и др. Термин «социальный страх», введенный в мировую науку Дж. Вольпе, обозначает страх социальных объектов или ситуаций социального взаимодействия [16], связанный с ожиданием и предсказанием ребенком неудачи при осуществлении действия, которое должно быть выполнено в данных условиях [1], опосредующий специфику коммуникативной активности и характер общения субъекта в социальной ситуации [4, 11].

Социальный страх вызывает *психологический барьер*, то есть устойчивую установку, негативной настрой, деструктивно-тревожное состояние ребенка, которые, по словам Б. Д. Парыгина, «консервируют скрытый эмоционально-интеллектуальный потенциал его активности» [5, с. 87]. Социальные страхи ограничивают свободу самовыражения, самопрезентации подростка, блокируют коммуникативные потенциалы, приводят к деиндивидуализации, стереотипизации и инфантилизации способов общения. При этом

большинство коммуникативных ситуаций подростки воспринимают как стрессовые, пугающие, напряженные, поскольку в процессе решения актуальных задач общения у ребенка возникают вариативные трудности.

Коммуникативные трудности – это различной силы и степени выраженности объективные или субъективно переживаемые препятствия коммуникации, нарушающие внутреннее равновесие субъекта общения, усложняющие межличностные отношения; требующие внутренних усилий, направленных на их преодоление. В *классификации коммуникативных трудностей* мы выделяем четыре группы: базовые, содержательные, инструментальные, рефлексивные. К *базовым коммуникативным трудностям* относятся трудности, обусловленные личностными особенностями ребенка: трудности эмпатии, вступления в контакт, трудности, связанные с детским эгоцентризмом, с отсутствием положительной установки на другого человека, с неадекватной самооценкой ребенка, с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению. К *содержательным коммуникативным трудностям* ребенка относятся когнитивные трудности, связанные с недостатком коммуникативных знаний, трудности прогнозирования, планирования и перестройки коммуникативной программы. *Инструментальные коммуникативные трудности* проявляются в неумении ребенка эффективно реализовывать на практике намеченные программы коммуникативных действий – вербальные, невербальные, просодические, экстралингвистические трудности, трудности построения диалога. К *рефлексивным коммуникативным трудностям* относятся трудности самоанализа, самонаблюдения, саморазвития [7].

Организация эмпирического исследования

Эмпирическое исследование предполагало изучение социальных страхов и специфики их проявления в межличностном общении современных подростков со взрослыми и сверстниками. Проверялись *гипотезы*, во-первых, о том, что социальные страхи детерминируют возникновение у подростков вариативных коммуникативных трудностей в процессе общения; во-вторых, о существовании различий социальных страхов и форм их проявления в коммуникативных ситуациях у подростков, проживающих в городе и в сельской местности.

Респондентами выступали 140 подростков в возрасте 13–14 лет, обучающихся в 8-х классах: в первую группу вошли учащиеся гимназий города

Костромы ($n = 70$; 35 девушек, 35 юношей, $M = 13,7$); во вторую – ученики сельских малокомплектных общеобразовательных школ Костромской области ($n = 70$; 35 девушек, 35 юношей, $M = 13,8$).

Использовался комплекс диагностических методов, выявляющих социальные страхи и коммуникативные трудности подростков: методика диагностики уровня школьной тревожности Б. Н. Филлипса, авторская методика экспертной оценки коммуникативного развития ребенка [6], полуструктурированное феноменологическое интервью, раскрывающее модальность и характер проявления социальных страхов в общении подростков со взрослыми и сверстниками.

Для статистической обработки эмпирических данных был использован контент-анализ ответов на вопросы интервью и свободных высказываний подростков, выявляющий их социальные страхи и трудности общения; регрессионный анализ, позволяющий установить влияние социальных страхов на возникновение у субъекта коммуникативных трудностей; U-критерий Манна – Уитни, множественный функциональный критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера, направленные на выявление различий в выраженности переменных в двух группах.

Результаты исследования и их обсуждение

Ранжирование эмпирических данных, полученных по методике диагностики уровня школьной тревожности Б. Н. Филлипса, показало, что наиболее часто современные подростки испытывают *страх самовыражения* (1R; 66,4 %); *страх проверки знаний* (2R; 47,8 %) и *страхи в отношениях с учителями* (3R; 34,3 %).

При этом городские подростки в образовательном пространстве значимо чаще переживают *социальный стресс* ($U = 154$; $p = 0,002$) и *страх самовыражения* ($U = 197$; $p = 0,001$), испытывают негативные эмоциональные переживания, связанные с необходимостью самораскрытия, самопредъявления себя другим, демонстрации своих возможностей, отстаивания собственной позиции. Эти ситуации нередко воспринимаются подростком как стрессовые, трудные, как ситуации вызова, блокирующие свободу самопрезентации и коммуникативную креативность субъекта. По результатам экспертной оценки установлено, что подростки, живущие в городе, чаще в общении испытывают трудности *установления контакта* ($U = 37,5$; $p = 0,003$), трудности *эмпатии* ($U = 42,5$; $p = 0,002$) и трудности *сотрудничества* ($U = 39$; $p = 0,003$), более замкнуты, ин-

дивидуалистичны, малоинициативны, эмоционально нечувствительны к потребностям и настроениям партнеров. Им гораздо легче общаться в виртуальных сообществах, нежели в реальных коммуникативных ситуациях [10].

Подростки, проживающие в деревнях, значимо чаще испытывают *страх в ситуациях проверки знаний* ($U = 235,5$; $p = 0,001$) и *страх не соответствовать ожиданиям окружающих* ($U = 186$; $p = 0,002$), поскольку менее уверены в своих интеллектуальных возможностях, стесняются публичной демонстрации собственных знаний; нередко ожидают негативных оценок, настраивая себя на «провал»; боятся отрицательной оценки со стороны педагогов, поскольку она важна и значима для них, воспринимается не как оценка уровня знаний, а как оценка личности; не хотят расстраивать родителей своими «школьными неудачами» (следует заметить, что у городских школьников подобные опасения практически отсутствуют). Наиболее распространенными коммуникативными трудностями являются *трудности планирования сообщения* ($U = 26,5$; $p = 0,003$), *подбора адекватных вербальных и невербальных средств выражения собственных мыслей* ($U = 33$; $p = 0,01$), *трудности убеждения* ($U = 37$; $p = 0,04$), *трудности самоанализа коммуникативных действий* ($U = 29,5$; $p = 0,01$). Следовательно, с одной стороны, подростки более открыты, спонтанны, непосредственны в общении, с другой – их действия нередко хаотичны, стереотипны, инфантильны, неадекватны требованиям социальной ситуации.

Результаты исследования показывают, что *высокий уровень общей школьной тревожности*, отражающий неблагоприятное эмоциональное состояние ребенка, связанное с различными формами его включения в жизнь школы, зафиксирован у большинства респондентов (73,6 % общей выборки). Этот факт очерчивает зону риска в развитии подростка как субъекта общения, поскольку ненормативно высокий уровень тревожности сдерживает преобразовательную активность ребенка, вызывает вариативные коммуникативные трудности в процессе межличностного взаимодействия, препятствует апробации новых паттернов общения, проявлению креативности в способах решения трудных коммуникативных задач.

Регрессионный анализ подтвердил значимость влияния социальных страхов подростков на возникновение базовых, содержательных, инструментальных и рефлексивных коммуникативных трудностей (табл. 1).

Таблица 1

**Влияние социальных страхов подростков
на возникновение коммуникативных трудностей (n = 140)**

Социальные страхи	Коммуникативные трудности подростков			
	Базовые	Содержательные	Инструментальные	Рефлексивные
Страх самовыражения		R = 0,58; R2 = 0,34; $\beta = 0,54$; p = 0,01	R = 0,60; R2 = 0,36; $\beta = 0,52$; p = 0,001	
Страх проверки знаний	R = 0,62; R2 = 0,38; $\beta = 0,42$; p = 0,02			
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих			R = 0,74; R2 = 0,54; $\beta = 0,44$; p = 0,009	
Страх в отношениях с учителями	R = 0,65; R2 = 0,43; $\beta = 0,36$; p = 0,03	R = 0,66; R2 = 0,44; $\beta = 0,38$; p = 0,03		
Переживание социального стресса				R = 0,75; R2 = 0,55; $\beta = 0,38$; p = 0,01

Так, *страх самовыражения* обуславливает возникновение *содержательных трудностей* ($\beta = 0,54$; p = 0,01): трудности планирования сообщения, прогнозирования его результативности и последствий, перестройки коммуникативной программы в меняющемся ситуационном контексте; а также *инструментальных коммуникативных трудностей* ($\beta = 0,52$; p = 0,001): построения диалога, удерживания ведущей позиции в общении, подбора адекватных вербальных и невербальных средств, оказания влияния на партнера. *Содержательные трудности* также детерминированы переживанием *проблем и страхов в отношениях с учителями* ($\beta = 0,38$; p = 0,03), поскольку подросток перестает быть самим собой в общении, не стремится самостоятельно планировать коммуникативные действия, исходя из требований ситуации, а пытается «угадывать» социально ожидаемые от него модели поведения.

Страх проверки знаний ($\beta = 0,42$; p = 0,02) и *страхи в отношениях с учителями* ($\beta = 0,36$; p = 0,03) влияют на возникновение *базовых коммуникативных трудностей* у подростков: неуверенность в себе, враждебность по отношению к учителям и успешным сверстникам, трудности эмпатии, повышенная эмоционально-личностная зависимость от педагогов или «сильных учеников», лидеров.

И наконец, *переживание социального стресса* вызывает *рефлексивные трудности* ($\beta = 0,38$; p = 0,01), повышенная напряженность в ситуации взаимодействия со взрослыми или сверстниками препятствует эффективному самоанализу коммуникативного поведения, мобилизации ментальных ресурсов; негативные эмоции подростка затрудняют осознание, признание и исправление собственных ошибок, провоцируя защитные модели поведения в ситуации общения (агрессия, оппозиция, протест, либо, напротив, уход от реальности в мир фантазий, отстраненность, регресс).

Наиболее интересные результаты, отражающие *специфику социальных страхов современных подростков, проживающих в городской и сельской местности*, получены в процессе интервьюирования респондентов (табл. 2).

Наиболее выраженными у подростков являются *гелотофобия* (1R) – страх выглядеть смешным, стать объектом насмешек окружающих [15] (49,3 % от общей выборки) и *страх буллинга* (2R) – боязнь стать объектом угроз, нападения, хулиганства, школьной травли, задиранья; буллинг – это длительное физическое или психологическое насилие в отношении подростка, не способного себя защитить, со стороны группы сверстников или отдельной личности [2] (38,6 % от общей выборки).

Таблица 2

Значимые различия социальных страхов подростков, проживающих в городе и сельской местности (n = 140)

Социальные страхи	Городские подростки (n=70)		Подростки, живущие в сельской местности (n=70)		Критерий φ^*	Уровень значимости
	Количество упоминаний	%	Количество упоминаний	%		
Гелотофобия	42	60	27	38,6	3,14	0,002
Страх буллинга	39	55,7	15	21,4	4,27	0,000
Страх осуждения	13	18,6	32	45,7	3,64	0,001
Страх «неуспеха», «провала»	31	44,3	16	22,8	3,22	0,002
Страх публичного выступления	18	25,7	27	38,5	2,46	0,01
Страх непонимания	24	34,3	8	11,4	3,28	0,003
Страх одиночества	23	32,8	5	7,1	3,47	0,001
Страх общения с незнакомыми людьми	11	15,7	20	28,6	2,35	0,02
Страх наказания	9	12,8	18	25,7	2,61	0,01
Страх общения с людьми высокого статуса	4	5,7	13	18,6	2,42	0,02

У городских подростков *гелотофобия* встречается чаще ($\varphi^* = 3,13$; $p = 0,002$). Они не способны воспринимать смех и улыбку собеседников как нечто позитивное, расценивают их как знак издевки, оскорбления, агрессии, предвзятого к ним отношения. Многие из них имеют заниженную самооценку, считают, что их внешность, поступки, способы общения действительно смешны, нелепы, поэтому и вызывают насмешки, осуждение окружающих. В общении это проявляется в замкнутости, излишней тревожности, подростки принимают близко к сердцу юмористические замечания, критику со стороны взрослых, испытывают трудности самопрезентации, любой смех сверстников принимают на свой счет, часто не понимают смысла шуток или понимают его неверно; сами шутят очень редко, проявляя при этом язвительность, презрение, недоброжелательность.

Полученные данные противоречат результатам исследования Е. А. Стефаненко, изучавшей связь гелотофобии с размером населенного пункта и установившей, что у испытуемых из города с меньшей численностью населения (Кострома) гелотофобия выражена сильнее, чем у жителей более крупного города (Москва) [9]. Исходя из этой логики, у подростков, живущих в сельской местности, гелотофобия должна быть выражена сильнее, чем, например, у костромичей, однако результаты показывают обратное. Вероятно, данное противоречие объясняется действием фактора «провинциальности», социальными условиями жизни подростков в маленьком городе, где, с одной стороны, быстро распространяются сплет-

ни и слухи, при этом подростку важно, как к нему относятся окружающие, а с другой – достаточно много незнакомых людей, реакции которых весьма непредсказуемы.

Анализ интервью показал, что у некоторых подростков проявляются феномены, впервые описанные в лаборатории В. Руха, которые тесно связаны с гелотофобией: *гелотофилия* – стремление выглядеть смешным, и *катагеластиицизм* – склонность высмеивать окружающих [14]. Приведем фрагменты интервью: «Когда подхожу к парням на перемене, они начинают подкалывать, троллить меня. Это ужасно, хочется всех убить! Но я слабак, доказать им ничего не могу... Поэтому начинаю валять дурака, рассказывать пошлые анекдоты, материться. Они еще больше смеются, но хоть не прогоняют» (пример гелотофилии, Олег, 14 лет). «Мои подружки всегда раньше обсуждали меня, обзывали, смеялись над моей одеждой, прической, кривыми ногами. Я сейчас стараюсь опередить их – когда встречаюсь с ними, сразу критикую их прикид, духи, косметику, придумываю всякие сплетни, будто слышала о них что-то ужасное» (пример катагеластиицизма, Марина, 14 лет). Проявления гелотофилии и катагеластиицизма можно считать своеобразными защитными механизмами, весьма сходными с регрессом и компенсацией, с помощью которых подростки пытаются заглушить страх быть осмеянными, минимизировать стресс унижения.

Страх буллинга также более присущ городским подросткам ($\varphi^* = 4,27$; $p = 0,000$), ведь агрессия и насилие особенно явно проявляются

там, где идет процесс перераспределения ресурсов и социальных статусов, где дети и подростки любыми доступными способами пытаются повысить или сохранить свой статус в обществе [3], а в городских условиях эти процессы актуализируются наиболее остро. Страх стать жертвой физического или психологического насилия обуславливает возникновение многообразных коммуникативных трудностей у подростков: замкнутости, трудностей вступления в контакт, особенно с новыми людьми; чрезмерную фиксацию на тщательном планировании и самоконтроле всех коммуникативных действий, что снижает креативность, спонтанность, эмоциональную включенность субъекта в общение. Подростки имеют низкий уровень доверия к партнерам, безынициативны, избегают близких контактов, ожидают предвзятого отношения к себе, не стремятся к апробации новых моделей поведения и способов общения. Чаще всего жертвы буллинга испытывают стыд и неуверенность в себе, смешанное чувство гнева и собственного бессилия в общении: *«Я уже не раз битый. Стыдно, конечно, но очень боюсь повторения! Поэтому стараюсь “не отвечать”, быть незаметным, раствориться в воздухе, ни с кем не хочу дружить. Оставили бы только все меня в покое!»* (Иван, 14 лет). Страх буллинга ведет к конформизму, нерелевантному принятию требований группы, препятствует самореализации личности в общении, тормозит развитие индивидуально-своеобразных коммуникативных качеств и субъектных свойств подростка.

Кроме того, городские подростки значительно чаще испытывают *страх «неуспеха», «провала»* ($\varphi^* = 3,22$; $p = 0,002$), вызывающий трудности эмпатии, перестройки программы общения, коммуникативную неадекватность, стереотипизацию коммуникативных действий: *«Я как робот, говорю то, что запланировала или заучила, не глядя никому в глаза. Только бы никто не сбил, не задал вопрос. Тогда точно – конец!»* (Оксана, 14 лет). Страх провала чаще всего свойственен подросткам-перфекционистам с «синдромом отличника», «синдромом гиперответственности», опасаясь, что их неуспех в учебной деятельности будет воспринят окружающими как отрицание их личностной значимости, статусности. И этот страх небезоснователен, ведь в подростковом возрасте ярлык «успеха» или «поражения» наклеивается человеку вне зависимости от затраченных усилий [4].

Городские подростки, несмотря на многообразие ежедневных коммуникативных контактов, потенциальные возможности для самореализации в различных социальных группах, значительно чаще, чем деревенские подростки, имеющие достаточно постоянный круг общения, испытывают *страх непонимания* ($\varphi^* = 3,28$; $p = 0,003$): *«Никому не верю, ведь меня уже обманывали, предавали... Хотелось бы с кем-нибудь поделиться своими тайнами, но никто не поймет»* (Инна, 13,5 лет); *страх одиночества* ($\varphi^* = 3,47$; $p = 0,001$): *«Все, с кем я общаюсь, – полные придурки! Бесят меня! А общаться приходится, ведь самое страшное – быть одному!»* (Андрей, 14 лет). Эти виды страха препятствуют самораскрытию подростка в сфере межличностного общения, вызывают социальную тревожность, неуверенность, закомплексованность, а в некоторых случаях – враждебность, агрессивность и зависть по отношению к более успешным и уверенным в себе партнерам.

Подростки, живущие в сельской местности, испытывают качественно иные страхи: *страх осуждения* ($\varphi^* = 3,64$; $p = 0,001$), *наказания* ($\varphi^* = 2,61$; $p = 0,01$), *публичного выступления* ($\varphi^* = 2,46$; $p = 0,01$), *общения с незнакомыми людьми* ($\varphi^* = 2,35$; $p = 0,002$) и *с людьми высокого социального статуса* (директор школы, полицейский, глава района, начальники) ($\varphi^* = 2,42$; $p = 0,02$). Приведем фрагменты интервью: *«Мне надо оценки исправлять. Если год закончу плохо, мама опять будет плакать... Мне ее жалко! А отец выпорот и ругаться будет долго»* (Антон, 14 лет); *«Очень боюсь ехать в город на олимпиаду. Я не знаю там никого, все будут смотреть на меня, оценивать. Боюсь, что все забуду, ничего не отвечу, подведу свою учительницу»* (Маша, 13 лет). В общении эти страхи вызывают трудности, связанные с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнера, трудности понимания мыслей и намерений собеседника, трудности самопрезентации, оказания влияния на партнера и убеждения, отстаивания собственных взглядов, самоанализа и самонаблюдения. Подростки более ориентированы на социально одобряемое поведение, на положительную оценку их действий со стороны взрослых и сверстников. В наших исследованиях на репрезентативной выборке ($n = 2342$) было доказано, что в онтогенезе данные модели поведения больше соответствуют младшему школьному возрасту, чем подростковому [7]. Этот факт отражает, с одной стороны, более медленный темп

развития деревенского подростка как субъекта общения, с другой стороны, – сохранение у подростков уважения к старшим поколениям, субординации в отношениях с ними, ценностей сотрудничества и взаимопонимания в общении.

Выводы

1. Динамические процессы, происходящие в современном обществе, создают многообразные факторы риска для онтогенеза ребенка. Современные подростки зачастую уязвимы по отношению к вызовам социокультурной среды, испытывая вариативные социальные страхи, такие как страх самовыражения, страх быть осмеянным (гелотофобия), страх буллинга, страх проверки знаний, страхи в отношениях с учителями.

2. Социальные страхи подростков являются фактором возникновения в процессе общения специфических базовых, содержательных, инструментальных и рефлексивных коммуникативных трудностей, которые нарушают внутреннее равновесие подростка в процессе общения, препятствуют его самовыражению и самореализации, усложняют взаимоотношения с партнерами, затрудняют достижение цели в коммуникативной ситуации, приводят к деиндивидуализации и инфантилизации паттернов общения.

3. Существуют различия социальных страхов и форм их актуализации в коммуникативных ситуациях у подростков, проживающих в городе и в сельской местности. Так, городские подростки чаще испытывают гелотофобию, страх буллинга, «провала», непонимания, одиночества; подростки, проживающие в сельской местности, – страх осуждения, наказания, публичного выступления, общения с незнакомыми людьми и с людьми высокого социального статуса.

4. Социокультурные условия провинциального города и сельской местности детерминируют специфику социальных страхов и характер затрудненного общения подростков: индивидуалистическая культура города формирует установку «я боюсь, что другие причинят мне боль» (будут смеяться надо мной, нападать, не поймут, перестанут общаться и др.), которая проявляется в тенденции «ухода от людей в общении»; в условиях коллективистической культуры российской деревни складывается установка «я боюсь, что другие останутся недовольны мной» (я не оправдаю их ожидания, вызову их осуждение, буду общаться не так, как этого требует коммуникативная ситуация), обуславливающая тенденцию «сближения с людьми в общении».

5. Психолого-педагогическое сопровождение онтогенеза общения в подростковом возрасте должно носить не симптоматический характер, направленный на помощь в преодолении отдельных коммуникативных трудностей субъекта, а каузальный, раскрывающий и нивелирующий причины затрудненного общения, одной из которых является переживание подростком социальных страхов.

Библиографический список

1. Грановская, Р. М. Элементы практической психологии [Текст]: монография / Р. М. Грановская. – СПб.: Речь, 2007. – 396 с.
2. Лейн, Д. А. Школьная травля (буллинг) [Текст] / Д. А. Лейн // Детская и подростковая психотерапия: научное издание / редакторы: Д. Лейн, Э. Миллер. – СПб.: Питер, 2001. – С. 240–274.
3. Ениколопов, С. Н. Экологическая модель исследования насилия [Текст] / С. Н. Ениколопов // Тезисы докладов 6-й Российской конференции по экологической психологии. – М.: ПИ РАО, 2012. – С. 136–138.
4. Леви, В. Л. Приручение страха [Текст]: монография / В. Л. Леви. – М.: Метафора, 2006. – 543 с.
5. Парыгин, Б. Д. Социальная психология [Текст]: учебное пособие / Б. Д. Парыгин. – СПб.: ГУП, 2003. – 613 с.
6. Самохвалова, А. Г. Коммуникативные трудности ребенка: проблемы, диагностика, коррекция [Текст]: учебно-методическое пособие / А. Г. Самохвалова. – СПб.: Речь, 2011. – 432 с.
7. Самохвалова, А. Г. Коммуникативные трудности ребенка: феноменология, факторы возникновения, динамика [Текст]: монография / А. Г. Самохвалова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. – 358 с.
8. Самохвалова, А. Г. Ошибки материнского воспитания как фактор затрудненного общения ребенка [Текст] / А. Г. Самохвалова, И. В. Котова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика» / гл. ред. А. Г. Кирпичник. – 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 66–70.
9. Стефаненко, Е. А. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии [Текст] / Е. А. Стефаненко, Е. М. Иванова, С. Н. Ениколопов, Р. Пройер, В. Рух // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 2. – С. 94–108.
10. Тихомирова, Е. В. Виртуальная самоорганизация как ресурс индивидуального и группового субъекта жизнедеятельности [Текст] / Е. В. Тихомирова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика» / гл. ред. А. Г. Кирпичник. – 2015. – Т. 21. – № 4. – С. 143–147.

11. Шкуратова, И. П. Страхи подростков и их обусловленность тревожностью, нейротизмом и агрессивностью / И. П. Шкуратова, В. В. Ермак // Прикладная психология: достижения и перспективы : сборник. – Ростов н/Д : Фолиант, 2004. – 234 с.

12. Holtmann, M. Increased frequency of rolandic spikes in ADHD children / M. Holtmann, K. Becker, B. Kentner-Figura, M. Schmidt // *Epilepsia*. – 2004. – Vol. 45. – № 5. – P. 564–565.

13. Petermann, F. Risiken in der frühkindlichen Entwicklung – Entwicklungspsychopathologie der ersten Lebensjahre / F. Petermann, K. Niebank, H. Scheithauer H. – Göttingen, 2000. – 432 p.

14. Proyer, R. T. Enjoying and fearing laughter: Personality characteristics of gelotophobes, gelotophiles, and katagelasticists / R. T. Proyer, W. Ruch // *Psychological Test and Assessment Modeling*. – 2010. – V. 52. – № 2. – P. 148–160.

15. Ruch, W. The fear of being laughed at: Individual and group differences in Gelotophobia / W. Ruch, R. T. Proyer // *Humor : International Journ. of Humor Research*. – 2008. – Issue 21 (1). – P. 47–67.

16. Wolpe, J. Experimental neuroses as learned behavior / J. Wolpe // *British journal of psychology*. – 1952. – № 43. – P. 243–268.

Bibliograficheskij spisok

1. Granovskaja, R. M. Jelementy prakticheskoj psihologii [Tekst] : monografija / R. M. Granovskaja. – SPb. : Rech', 2007. – 396 s.

2. Lejn, D. A. Shkol'naja travlja (bulling) [Tekst] / D. A. Lejn // *Detskaja i podrostkovaja psihoterapija : nauchnoe izdanie / redaktery: D. Lejn, Je. Miller*. – SPb. : Piter, 2001. – S. 240–274.

3. Enikolopov, S. N. Jekologicheskaja model' issledovanija nasilija [Tekst] / S. N. Enikolopov // *Tezisy dokladov 6-j Rossijskoj konferencii po jekologicheskoi psihologii*. – M. : PI RAO, 2012. – S. 136–138.

4. Levi, V. L. Priruchenie straha [Tekst] : monografija / V. L. Levi. – M. : Metafora, 2006. – 543 s.

5. Parygin, B. D. Social'naja psihologija [Tekst] : uchebnoe posobie / B. D. Parygin. – SPb. : GUP, 2003. – 613 s.

6. Samohvalova, A. G. Kommunikativnye trudnosti rebenka: problemy, diagnostika, korrekcija [Tekst] : uchebno-metodicheskoe posobie / A. G. Samohvalova. – SPb. : Rech', 2011. – 432 s.

7. Samohvalova, A. G. Kommunikativnye trudnosti rebenka: fenomenologija, faktory voznikovenija, dina-

mika [Tekst] : monografija / A. G. Samohvalova. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2014. – 358 s.

8. Samohvalova, A. G. Oshibki materinskogo vospitanija kak faktor zatrudnennogo obshhenija rebenka [Tekst] / A. G. Samohvalova, I. V. Kotova // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Nauchno-metodicheskij zhurnal. Serija «Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika»* / gl. red. A. G. Kirpich-nik. – 2014. – T. 20. – № 3. – S. 66–70.

8. Stefanenko, E. A. Diagnostika straha vygljadet' smeshnym: russkojazychnaja adaptacija oprosnika gelotofobii [Tekst] / E. A. Stefanenko, E. M. Ivanova, S. N. Enikolopov, R. Proyer, V. Ruh // *Psihologicheskij zhurnal*. – 2011. – T. 32. – № 2. – S. 94–108.

10. Tihomirova, E. V. Virtual'naja samoorgani-zacija kak resurs individual'nogo i gruppovogo sub#ekta zhiznedejatel'nosti [Tekst] / E. V. Tihomirova // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo uni-versiteta imeni N. A. Nekrasova. Nauchno-metodicheskij zhurnal. Serija «Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika»* / gl. red. A. G. Kirpichnik. – 2015. – T. 21. – № 4. – S. 143–147.

9. Shkuratova, I. P. Strahi podrostkov i ih obuslovlennost' trevozhnost'ju, nejrotizmom i agressivnost' / I. P. Shkuratova, V. V. Ermak // *Prikladnaja psihologija: dostizhenija i perspektivy : sbornik*. – Rostov n/D : Foliant, 2004. – 234 s.

10. Holtmann, M. Increased frequency of rolandic spikes in ADHD children / M. Holtmann, K. Becker, B. Kentner-Figura, M. Schmidt // *Epilepsia*. – 2004. – Vol. 45. – № 5. – P. 564–565.

11. Petermann, F. Risiken in der frühkindlichen Entwicklung – Entwicklungspsychopathologie der ersten Lebensjahre / F. Petermann, K. Niebank, H. Scheithauer H. – Göttingen, 2000. – 432 r.

12. Proyer, R. T. Enjoying and fearing laughter: Personality characteristics of gelotophobes, gelotophiles, and katagelasticists / R. T. Proyer, W. Ruch // *Psychological Test and Assessment Modeling*. – 2010. – V. 52. – № 2. – R. 148–160.

13. Ruch, W. The fear of being laughed at: Individual and group differences in Gelotophobia / W. Ruch, R. T. Proyer // *Humor : International Journ. of Humor Research*. – 2008. – Issue 21 (1). – R. 47–67.

14. Wolpe, J. Experimental neuroses as learned behavior / J. Wolpe // *British journal of psychology*. – 1952. – № 43. – R. 243–268.